

УДК 801.73
DOI 10.17223/18137083/70/8

А. Л. Калашникова, Е. Ю. Поселенова

Кемеровский государственный университет

**Наследие кузбасских коммунаров
в контексте современного исследования творчества
Л. Н. Толстого**

Рассматривается значение рецептивного поля позднего мировоззрения Л. Толстого в аспекте формирования целостного представления о творчестве писателя. В качестве фактических источников в настоящей работе привлекаются экспедиционные материалы, дневники, письма, статьи, сочинения коммунаров, проживавших на территории Кемеровской области. Рассмотрение этих материалов в русле рецептивной эстетики и дискурсивного подхода позволяет прийти к заключению, что литературное наследие сибирских коммунаров представляет собой особый дискурс, в котором концептуально осмыслены идеи толстовства.

Ключевые слова: Лев Толстой, рецепция, художественная литература, эстетика, поэтика, толстовство, толстовская коммуна, мировоззрение, учение.

В отечественной науке уже сложилась традиция осмысления рецепции учения Л. Н. Толстого в трудах русских религиозных философов (Г. В. Флоровского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и др.). В данном случае речь идет об интерпретации философских взглядов писателя, изложенных в его художественной и публицистической прозе. Иной взгляд предполагает фокусировку исследовательского внимания не столько на «теории», сколько на «практике» толстовского учения, воплощенной в деятельности коммунаров. К научным проблемам такого рода активно обращаются исследователи ТГПУ им. Л. Н. Толстого (Е. Д. Мелешко, А. Ю. Каширин), отдельные аспекты «толстовского движения», ранее осмысливавшиеся З. В. Калиничевой, А. И. Клибановым, в настоящее время рассматриваются в работах Д. С. Петрова, Т. В. Петуховой, У. П. Сеницыной,

Калашникова Анна Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; anna.kalashnikova.42@gmail.com)

Поселенова Евгения Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; e.poselenova@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2020. № 1
© А. Л. Калашникова, Е. Ю. Поселенова, 2020

С. А. Скибы и др. В их научных трудах решаются проблемы типологической дефиниции феномена толстовских коммун, периодизации толстовства, практической реализации основных этических принципов учения в деятельности коммунаров и другие актуальные для данной темы вопросы. Ряд современных исследователей (Д. С. Петров, Л. И. Богораз, Е. В. Агарин, И. А. Юртаева) обращается к изучению специфики отдельных коммун. По очевидным причинам большинство указанных исследований предприняты в русле исторической или социологической научных сфер. На наш взгляд, необходимо углубить исследование этой проблемы в филологическом аспекте, дополнить социально-дискурсивный контекст изучения толстовства рассмотрением рецептивной практики последователей учения писателя.

Тот новый подход к искусству, который стал частью особенного мировидения Толстого и был изложен писателем в статьях, дневниках и письмах, определяет необходимость контекстуального изучения его творчества. Духовные искания Л. Н. Толстого при всей маргинальности своих решений отразили общее настроенное эпохи. Это было кризисное время, время потери старых основ и безуспешного поиска новых. Вслед за сложными десятилетиями духовного упадка наступило время революций и войн XX в. Потеря и мучительный поиск веры на рубеже столетий осложнились в 1920-е гг. запретом официальной религии. В этих условиях учение Л. Н. Толстого, получившее развитие с начала 1880-х гг., привлекало в послереволюционное время всё больше последователей. Через их наследие можно проследить рецепцию многих идей писателя, что позволяет рассматривать его как значимый исследовательский контекст при изучении творчества Л. Н. Толстого.

Примером подобного идейного взаимодействия является наследие толстовской коммуны, существовавшей в 1930-е гг. в поселке Абашево Новокузнецкого района Кемеровской области¹. Единомышленники и друзья Толстого, среди которых можно отметить В. Г. Черткова, П. И. Бирюкова, И. И. Горбунова-Посадова, инициировали создание объединения последователей учения писателя. В 1920-х гг. в Московской области действовала толстовская коммуна «Жизнь и труд», которая к 1930 г. была запрещена властями. Но существование эта коммуна не прекратила. В начале 1931 г. из центральных областей страны последователи толстовского учения переехали в Сибирь. Вдохновителем и первым председателем сибирской коммуны стал Б. В. Мазурин, воспринявший идеи Толстого от отца – убежденного толстовца, лично знакомого с писателем. В пос. Абашево было создано три коммуны: «Жизнь и труд», «Мирный пахарь», «Всемирное братство», которые впоследствии были реорганизованы в колхоз, сохранивший название «Жизнь и труд».

Основываясь на религиозно-этическом учении Толстого, отразившемся в позднем творчестве и публицистике писателя, коммунары воплощали в жизнь идеи непротравления злу, отказ от употребления спиртных напитков и табака, гуманное отношение к животным, вегетарианство, естественный труд. Свободомыслие и христианизированные принципы ненасилия² были негативно восприняты властями, которым претила независимость коммуны. Кроме того, последователи учения Толстого даже во время Великой Отечественной войны отказывались

¹ В июле 2012 г. при поддержке Администрации Кемеровской области и РГНФ состоялась экспедиция в с. Тальжино Новокузнецкого района Кемеровской области, организованная Фольклорной лабораторией КемГУ. Результаты экспедиционных исследований кратко изложены в работе [Калашникова, Поселенова, 2013].

² Указанное положение своего учения, связанное с истинным смыслом христианства, изложенным в Евангелии, Л. Н. Толстой подробно развивает в работе «Закон насилия и закон любви» [1956, т. 37, с. 446–452].

от несения военной службы, а это расценивалось в те годы как преступление против государства. Многие толстовцы были расстреляны или сосланы в лагеря, где большинство из них погибло. Но те, кому удалось выстоять в тяжелейших условиях лагерной жизни, вернувшись в поселок, не отказались от своих идей, а, напротив, еще больше укрепились в мыслях о необходимости жизни в любви к ближнему и окружающему миру. В конце 1930-х гг. после сталинских репрессий коммуна была преобразована в колхоз, который в связи с началом строительства горнодобывающей шахты к 1949 г. был перенесен в пос. Тальжино. Сегодня потомки толстовцев хранят память об их духовном подвиге, стремясь, несмотря на перемены в жизни, следовать идеалам толстовства, среди которых одной из основных и чтимых до сих пор является мысль о жизни в единении с коллективом, очень точно сформулированная Л. Н. Толстым в рассказе «Чем люди живы»: «Я понял, что Бог не хотел, чтобы люди врозь жили, и затем не открыл им того, что каждому для себя нужно, а хотел, чтоб они жили заодно, и затем открыл им то, что им всем для себя и для всех нужно» [Толстой, 1937, т. 25, с. 27]. Потомки коммунаров до сих пор собираются на праздники и памятные даты в Тальжино, приезжают даже те, кто живет сейчас далеко от малой родины.

Один из фундаментальных принципов учения Л. Н. Толстого, принятый в качестве жизненной нормы последователями писателя, – вегетарианство. С позиции толстовской этики, убийство как человека, так и животного равно неприемлемо: «Все доводы против мясоедения, как бы сильны они ни были, ничтожны перед основным доводом о том, что в животных мы чуем ту же силу жизни, которая живет в нас. Чуем, что, нарушая эту жизнь, мы совершаем нечто подобное самоубийству. Тот, кто не заглушит в себе это свойственное всем людям чувство, тот не будет нуждаться ни в каких других доводах» [Толстой, 1957, т. 42, с. 446]. По замечанию составителей сборника документальных и публицистических материалов «Лев Толстой и Сибирь», через полвека после смерти Толстого «соблюдение догматически строгого вегетарианства оставалось, возможно, единственным, что являло собой отблеск некогда слитного, смутно понятого, в основном, крестьянами, сложного учения Толстого, к которому он сам пришел после мучительных раздумий» [Лев Толстой и Сибирь, 2012, вып. 3, с. 15]. Меняющийся мир диктовал новые условия жизни и не позволял уже работать на земле так, как это делали первые коммунары, поэтому вегетарианство оставалось едва ли не единственным материальным подкреплением продолжающего жить учения Толстого. Главным принципом толстовцев, сильнее всего проявляющимся в вегетарианстве до сих пор остается непротивление злу. И. С. Токарев, выросший в семье тальжинского коммунара и с самого детства впитывавший гуманистические принципы, в свои 79 лет не приемлет курения и употребления алкоголя, не использует бранных слов, до сих пор ведет вегетарианский образ жизни. «Все живое и даже растения, – говорит Иван Сергеевич, – это души наших предков. И, может быть, убивая животных, мы убиваем своих предков, а нас будут убивать потомки. Вегетарианцы так рассуждают: от мясоедения – к всеобщей растительной пище, от всеобщей растительной пищи – к плодам. У плодов мы поедаем оболочку, а семена выбрасываем – тем самым, не уничтожаем, а содействуем»³ (ср. у Толстого: «Идеальное вегетарианство есть питание плодами, т. е. оболочкой семени, заключающей жизнь: яблоки, персики, арбузы, тыквы, ягоды. Гигиенисты признают эту пищу самой здоровой, и при этой пище человек не уничтожает жизнь. Знаменательно при этом еще то, что приятность вкуса плодов, оболочка семян, делает то, что люди, срывая и съедая плоды, разносят их по земле и размножают» [Толстой, 1957, т. 42, с. 306]).

³ Из Архива Фольклорной лаборатории КемГУ.

До сих пор в сознании потомков кузбасских коммунаров сохраняется представление об особой семейной этике. Речь идет о принятии толстовцами позиции писателя в отношении плотской любви в браке. Публикация в 1890 г. повести «Крейцера соната» и авторского «Послесловия...» к ней, вызвала широкий общественный резонанс как в России, так и за рубежом. Большинство отзывов были критическими: осуждению подвергались высказанные Толстым мысли о характере семейных отношений, проблемах воспитания детей, медицинском аспекте этого вопроса и т. д. При этом, несмотря на радикальность позиции Толстого, мировоззрение последователей уже существовавшего в то время движения коммунаров формировалось на основании высказанных им идей, в том числе в вопросах семейной этики. Так, Б. А. Гросбейн, один из потомков сибирских коммунаров, во время интервью, полученного в ходе экспедиционных исследований, указал на недопустимость «семейной проституции», подразумевая под этим необходимость сдержанного поведения супругов. Он говорил о сохранении в его семье представлений, основанных на мыслях Л. Н. Толстого об исключительной связи плотской любви с рождением ребенка и особом, неприкосновенном, положении беременной и кормящей женщины.

Составители сборника «Лев Толстой и Сибирь» в статье «Толстовский рецепт для «строителей коммунизма» высказали точку зрения о том, что тальжинское толстовство в большей степени было формализовано, что связано с «простотой понимания» идей писателя, которые сводились к необходимости «прилежно трудиться, жить коммуной (всем все поровну), доброжелательно относиться друг к другу и соблюдать вегетарианство» [Лев Толстой и Сибирь, 2011, вып. 2, с. 439]. Следует отметить излишнюю категоричность этой позиции, не учитывающей высокий уровень личной культуры и большой процент грамотности среди жителей коммуны и их детей. Кроме того, важным в понимании сибирского толстовства является культ письменного слова [Афанасьева, Каличкина, 2015].

Название коммуны, организованной на территории с. Абашево, в полной мере отражает толстовскую концепцию содружества жизни и труда. Труд в толстовском учении воспринимается не как самоцель, но как значимая жизненная составляющая, поскольку он «не есть добродетель, но неизбежное условие добродетельной жизни» [Толстой, 1957, т. 42, с. 76]. Кроме того, в жизни сибирских коммунаров значительная роль отводилась духовному развитию человека в свободное от работы время.

В Абашево было создано несколько «домашних» кружков: философский, изучения иностранных языков, хорового исполнения. Примечательно, что в песенный репертуар хора главным образом входили авторские тексты. Б. А. Гросбейн, инициатором изучения толстовской коммуны в Кузбассе, были названы стихотворения Н. А. Некрасова, А. М. Добролюбова, С. Я. Надсона и особенно «Выхожу один я на дорогу...» М. Ю. Лермонтова и «Silentium!» Ф. И. Тютчева, которые имеют исключительный философский смысл. Стихотворения не только исполнялись в песенной форме, но и декламировались во время общих собраний членов коммуны. Один из потомков коммунаров, А. Н. Соболинский вспоминает: «Где-то в марте был день Толстого. Собирались в столовой, пели песни, стихи читали Пушкина, литературу, стихотворения, рассказы и учение Толстого. У нас и свои были <поэты. – А. К., Е. П.>». Интерес к звучащему поэтическому слову сохранился среди потомков толстовцев, которые на традиционных встречах продолжают традицию публичного чтения художественных произведений [Лев Толстой и Сибирь, 2012, вып. 3, с. 79]. И даже обращаясь к вопросу о вегетарианстве, наши собеседники процитировали (наизусть!) известный фрагмент из 15-й песни «Метаморфоз» Овидия, перевод которых с латинского был в свое время осуществлен Л. Н. Толстым. Но коммунарами и их потомками осваивались не только сочинения, непосредственно имеющие отношение к Толстому. Так, например, на-

стольной книгой И. С. Токарева в свое время была «Этика пищи или нравственные основы безубойного питания для человека» Х. Уильямса, опубликованная на русском языке в 1893 г.

В целом можно говорить об особой ценности художественного дискурса для сторонников учения Толстого. Следует отметить феномен культового отношения толстовцев к письменному слову. В каждом доме хранились и передавались по наследству дореволюционные издания поздних сочинений Толстого, а также их рукописные копии и конспекты. Через рецепцию позднего творчества Толстого коммунары постигали основы философии античных и древних восточных мудрецов. Примеры составления подобных конспектов и антологий можно найти в рукописном наследии В. П. Мазурина, хранящемся в «Музее духовной и материальной культуры друзей и последователей Л. Н. Толстого в Кузбассе» (пос. Тальжино). Василий Петрович Мазурин – педагог, поэт, один из старших представителей коммунарного движения, лично знакомый с Л. Н. Толстым. Именно под влиянием позднего мировоззрения Толстого сформировался поэтический талант В. П. Мазурина, воплотившего в авангардных художественных формах особый мирообраз. Нельзя не заметить рецептивную направленность как художественного, так и публицистического наследия поэта, стремившегося изложить свое понимание толстовских догматов. Книга стихов «В царстве жизни» имеет подзаголовок «Поэтический дневник» – название цикла в полной мере отражает тематику входящих в него стихотворений и соотносится с философскими концепциями толстовства. На это же указывает обращение поэта к читателям в предисловии к названному сборнику. В предисловии «Поэтического дневника» выражены мысли о ценности человеческой жизни: «Жизнь человеческая есть высочайшая радость сейчас, сию минуту, в этом мире, здесь на земле». Но познание счастья жизни возможно только для человека духовно развитого, нравственного и доброго, живущего для других, а не для себя: «От самого человека зависит быть счастливым или несчастным. Он может держать свой внутренний мир или светлым, или темным. Жить при жизни или умереть при жизни» [Лев Толстой и Сибирь, 2011, вып. 2, с. 121]. Характерной особенностью «поэтического дневника» является абсолютная погруженность человека в бытие природы. В предисловии к циклу автор указывает: «Я написал мои пьесы среди природы, – среди репьев, полыни, цикория, картофельных и хлебных полей...» [Там же]. Вслед за Толстым Мазурин представляет жизнь как величайший дар, как непреложную ценность для любого человека. Постигая и пропуская через себя идеи духовного наставника, поэт стремился «заразить» читателя любовью к жизни [Линков, 2002]. При этом для него важна рефлексивная сторона творчества, о чем говорит ориентация на дневниковую традицию. В стихотворениях Мазурина прослеживается стремление самостоятельно пережить ощущение красоты окружающей действительности, осмыслить это, а затем открыть читателю. Знаменитый «франклинов» дневник Л. Толстого, который он вел на протяжении большей части своей жизни, равно как и автопсихологизм его творчества, создали прецедентный феномен специфического самоанализа. Художественные и публицистические произведения писателя формируют особую модель постижения себя с целью становления на нравственный путь. Своеобразную интерпретацию этой модели мы видим в поэтическом сборнике В. П. Мазурина.

Центральной проблемой цикла В. Мазурина является взаимодействие природы и человека, воплощенное в стихотворениях «На лугу», «Родник», «Сова», «Деревня», «Галка», «Природа», «Рябина», «Рождение ребенка» и др. Подобная включенность человека в космический круговорот бытия имеет прямое отношение к толстовскому пониманию смысла жизни, состоящего в следовании естественным природным законам нравственности и добра.

В «поэтическом дневнике» В. Мазурина отражено характерное для толстовцев отношение к слову как высшей ценности. Первое стихотворение раскрывает идею слова: «Между двумя / Великими молчаньями, – / Молчаньем до рождения / И молчаньем после смерти, – / Дано сказать мне слово...». Способность выражать мысли в слове – уникальный дар, данный Богом только человеку. Эта способность делает человека сопричастным Божественному слову-логосу, явившему себя в акте творения мира. Поэтому в человеческом мире или, по определению В. Мазурина, «царстве жизни», должно существовать особое отношение к слову. Само бытие человека возможно только в слове: молчание «до рождения» и «после смерти» – поэтически выраженный синоним небытия. Следуя художественной логике автора стихотворения, слово нужно рассматривать как аналог жизни, соответственно потребность сказать слово «достойно» становится фундаментальным принципом человеческого существования, а финальный мотив «порчи слова» («Только раз один / Дано сказать мне слово, – / И вдруг испорчу!») подразумевает не только неверно выраженную в слове мысль, но и неизбежно следующее разрушение гармонии человеческого бытия.

Другим талантливым поэтом-толстовцем был Гюнтер Тюрк, один из членов сибирской толстовской коммуны. В своих стихотворениях он отразил важные принципы толстовского учения: ненасилие (сонет «Собратьям по перу»), ценность крестьянского труда (цикл «Песни о земле») и т. д. Интересным фактом творческого самоопределения абашевских коммунаров становится написанный им в 1833 г. «Гимн коммуны “Жизнь и труд”» [Лихачева, 2003, с. 190]. Появление подобного стихотворения в 1933 г. представляется вполне закономерным. Начало 1930-х гг. – период становления коммуны, поэтому возникает потребность в программных текстах, регламентирующих правила поведения: создается Устав коммуны «Жизнь и труд» и пишется гимн, декларативно утверждающий основы религиозно-философского учения Л. Н. Толстого как принципы жизни. Так, в стихотворении отчетливо определяется горизонт духовных устремлений субъекта лирического высказывания – «путь Отца». Императивная часть построена по принципу антиномии: «радость в униженье», «жить, трудиться и страдать». Очевидно, что «униженье» здесь выступает аналогом «опрощения» как выражения идеи христианского смирения, а потребность «жить, трудиться и страдать» восходит к толстовской мысли о необходимости личного труда человека, служащего основой гармоничного существования всего общества. Страдание же следует понимать в христианском смысле как путь к очищению души. Особую роль играет акцент на коллективном характере обращения («мы»): совместная жизнь, труд и страдание становятся этической программой, в полной мере нашедшей реализацию в судьбе коммуны «Жизнь и труд». Кроме того, существенным становится то обстоятельство, что в роли гимна коммуны в данном случае выступает авторская молитва. Этот факт подчеркивает религиозную, но внецерковную, книжную, но недогматическую основу мировоззрения толстовцев. Лирическое стихотворение становится альтернативой канонического текста, восполняя тем самым потребность богообщения вне ритуальных форм.

Так восприятие книжного слова формировало у коммунаров созерцательный тип мыслительной деятельности и потребность самостоятельного освоения и осмысления канонических текстов. Результатом рецептивной деятельности стали многочисленные попытки реализации собственного писательского потенциала. Кроме поэтического дневника В. П. Мазурина и сборников стихотворений Г. Тюрка в качестве примера можно назвать публицистику Я. Д. Драгуновского. 35 лет своей жизни А. Г. Гросбейн, отец Б. А. Гросбейна, отдал исследованию Евангелия в диалоге с учеными и писателями середины XX в. (рукопись «Краткое изложение учения Иисуса (прозванного Христом)», «Что такое религия») [Лев Толстой и Сибирь, 2012, вып. 3, с. 66]. Несмотря на то что поэтическое творчество

во В. П. Мазурина не имело широкой читательской известности, оно получило отклик со стороны литераторов, среди которых следует выделить Е. А. Евтушенко и Г. Н. Айги. Воспоминания о жизни коммуны, написанные ее лидером Б. В. Мазуриным (сыном В. П. Мазурина), были замечены зарубежными исследователями-славистами (У. Эджертон, Р. Роллан) и поставлены в один ряд с «Колымскими рассказами» В. Т. Шаламова, «Наскальной живописью» Е. А. Керновской, «Архипелагом ГУЛАГ» А. И. Солженицына.

Следование принципам религиозно-философского учения Л. Толстого не только в жизни, но и в творчестве, является характерной чертой писателей-толстовцев, художественное наследие которых на сегодняшний день остается малоизученным. Художественные и публицистические сочинения, созданные сибирскими коммунарами, формируют эстетико-идеологический дискурс, который интересен не только своей самобытностью, но и фактической соотнесенностью с литературным творчеством и нравственно-религиозным учением Л. Толстого. Следует также отметить систематическую ориентацию на книжную традицию в коммунарской среде, что было обусловлено идеями толстовства. Обособленность от магистральной культурной традиции сформировала элитарный характер духовного быта толстовцев, несмотря на крестьянскую форму их жизни.

Список литературы

Афанасьева Э. М., Каличкина Т. И. Толстовская коммуна «Жизнь и труд»: воспитание посредством литературы // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2015. № 3–4. С. 21–24.

Калашникова А. Л., Поселенова Е. Ю. Наследие сибирской коммуны последователей учения Л. Н. Толстого в региональной культурной системе // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 2 (23). С. 52–58.

Лев Толстой и Сибирь: сборник документальных и публицистических материалов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. Вып. 2; 2012. Вып. 3.

Линков В. Я. История русской литературы XIX века в идеях. М., 2002.

Лихачева Ю. В. Гюнтер Тюрк: от штрихов ономастологии до сюрпризов географии // Российские немцы. 2003. № 3 (35). С. 190–195.

Список источников

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Худож. лит., 1937. Т. 25; 1956. Т. 37; 1957. Т. 42.

A. L. Kalashnikova¹, E. Yu. Poselenova²

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ *anna.kalashnikova.42@gmail.com*, ² *e.poselenova@gmail.com*

Heritage of the Kuzbass Communards in the context of an actual research of L. N. Tolstoy's work

The paper focuses on the study of the receptive field of Leo Tolstoy's ideology in terms of forming a holistic view of the writer's work. The analysis of Tolstoy's aesthetics and poetics turns out, in many cases, to be unproductive without addressing the basic provisions of the doctrine system created by him. The shift from the aesthetic field to the teaching role of literature determined not only the nature of Tolstoy's literary work in the 1880s – 1910s but also the angle of the reader's perception of his works. This research is aimed at justifying the necessity of studying the reader's reception of the writer's literary works in the heritage of "Tolstoyans," for whom

the “teacher’s” compositions became not only a source of moral bases but also an inspiration for their own creative pursuits. The actual material sources include the fieldwork materials, diaries, letters, articles, and literary works by the members of the Commune living on the territory of the Kemerovo region. Analysis of these materials within the framework of a receptive aesthetics and discourse approach results in the conclusion that the Siberian Communards’ literary legacy represents a special discourse that conceptually reflects on the ideas of Tolstoyism.

Keywords: Leo Tolstoy, reception, imaginative literature, aesthetics, poetics, tolstovstvo, Tolstoy’s commune, ideology, doctrine.

DOI 10.17223/18137083/70/8

References

Afanas’eva E. M., Kalichkina T. I. Tolstovskaya kommuna “Zhizn’ i trud”: vospitanie posredstvom literatury [Commune of Tolstoy “Life and work”: education by means of literature]. *International Post-Graduate Student Bulletin. Russian Language Abroad*. 2015, no. 3–4, pp. 21–24.

Kalashnikova A. L., Poselenova E. Yu. Nasledie sibirskoy kommuny nasledovateley ucheniya L. N. Tolstogo v regional’noy kul’turnoy sisteme [Heritage of the Siberian Commune of L. N. Tolstoy’s Doctrine Followers in Regional Cultural System]. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2013, no. 2 (23), pp. 52–58.

Lev Tolstoy i Sibir’: sbornik dokumental’nykh i publitsisticheskikh materialov [Leo Tolstoy and Siberia: the collection of documentary and publicistic materials]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2011, iss. 2; 2012, iss. 3.

Likhacheva Yu. V. Gyunter Tyurk: ot shtrikhov onomatologii do syurprizov geografii [Günter Türk: from onomatology strokes to geography surprises]. *Rossiyskie nemtsy*. 2003, no. 3 (35), pp. 190–195.

Linkov V. Ya. *Istoriya russkoy literatury 19 veka v ideyakh* [History of the Russian literature of 19th century in the ideas]. Moscow, 2002.

List of sources

Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch.: V 90 t.* [Complete works in 90 vols]. Moscow, Khudozh. lit., 1937, vol. 25; 1956, vol. 37; 1957, vol. 42.